

Трансформации общественного сознания под влиянием политики в отношении культурного наследия в России

Т. В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Утверждается, что отношение государства к культурному наследию определяется инструментальным подходом. Анализируется сегодняшний статус культурного наследия Православной церкви как одного из инструментов конструирования социокультурного пространства, в содержании которого важная роль отводится идеологизированным символам православия. Рассматривается воздействие политики эксплуатации культурного наследия на изменение картины художественно-культурной реальности. Констатируются разрушительные последствия такого подхода к культурному наследию для его духовной сущности и для общественного сознания.

Ключевые слова: политика; культурное наследие; история; историческая память; общественное сознание; политическая культура; идеология.

Своеобразие движения во времени российского государства и народа и содержание феномена народной памяти определяют отношение россиян к культурному наследию, с одной стороны, и эффекты влияния самого наследия на картину времени, формирующуюся в национальном сознании, с другой. Действительно, память в российской политике можно рассматривать как пространство борьбы социальных и политических сил за право на интерпретацию общего (государственного, национального) прошлого, и надлежит признать, что, как правило, побеждает в этой борьбе государство. Как следствие, оно контролирует большую часть исторически-информационного пространства и монополизирует право на использование памяти как политического ресурса [1, с. 128].

Превращение культурного наследия Русской православной церкви в один из инструментов конструирования социокультурного пространства настоящего и соответствующей модели прошлого связано с одним важнейшим обстоятельством. При создании модели прошлого государство опирается на принцип избирательности, используя только объекты культурного наследия, в наибольшей степени соответствующие эпитету «наши». Архитектурные сооружения, иконы и нематериальные объекты православного культурного наследия идеально вписываются в модель национальной великодержавности. Современная политика использует и дискурсивно присваивает православные объекты культурного наследия, освобождая их от имманентной им сложности и материальной неотнесенности к посюсторонним — социальным — действиям и отношениям. Они превращаются в простейшие по конструкции и содержанию носители идей и символов православия — великодержавия — национального величия, которыми насыщается публичное политическое пространство. Политизированному православию и культурному наследию церкви отводятся в идеологии строительства нации функции, сходные с выполнявшимися ими во второй половине XIX в.: используя информационный и символический потенциал традиционной религии, политический режим символически «отграничивается» от западного либерализма, повестка дня российской политической жизни дополняется национальной спецификой, создается образ истинно национальной власти и укрепляется фундамент легитимности [1, с. 128].

Такой подход к культурному наследию и национальной памяти исторически опробован, инструментален и действенен. Однако в данной статье автор ставит перед собой задачу проследить его социокультурные эффекты. Одним из них становится универсализация потребительского отношения к культуре, которое транслируется государством и интериоризуется нацией, поскольку часть граждан осваивают наследие и историю, спешно смонтированные в историцистские схемы, некритично, поверхностно, созерцательно и безразлично. Подход, в рамках которого культурное наследие используется как инструмент решения сиюминутных задач, связанных с политической конъюнктурой, не способствует готовности граждан стать активными субъектами восприятия и интерпретации художественно-культурной реальности, деятельными посредниками в диалоге прошлого и будущего.

Необходимо признать, что на протяжении советского периода истории россияне фактически лишили возможности воспринимать памятники церковного наследия как перешедшие к ним от собственных предков, как источники познания прошлого и свидетельства истории. Сохранявшиеся церкви и иконы воспринимались прагматически, предметно-экзотически, в лучшем случае — эстетически. Все эти особенности восприятия наложили отпечаток и на отношение к культурному наследию нынешнего поколения россиян, которое оказалось не подготовлено к культурному диалогу между прошлым и будущим.

Эксплуататорское отношение государства к культурному достоянию относит каждый культурный объект не к вечности, а к краткому отрезку времени, в рамках которого его ресурсный потенциал видится политиком наиболее перспективным, с точки зрения его максимально эффективного использования для формирования идеологических конструкторов. Эта особенность политики приводит к ориентации граждан по отношению к объектам культурного наследия в абстрактное прошлое, мифологизированное и предельно упрощенное, причем раз и навсегда ушедшее, минувшее и невозвратное. Существующие сегодня иконы, храмы и монастыри воспринимаются как утраченные, возможно — восстановленные, но никак не бытующие здесь и сейчас как ценность, достояние, капитал, который следует отстаивать, приумножать и передавать потомкам [2; 3]. Граждане не чувствуют себя обладателями прошлого — настоящего, частью механизма преемственности — непрерывности истории, посредниками между прошлыми и будущими поколениями. Показательны в этом отношении данные социологических опросов: согласно им, современные россияне готовы гордиться не столько политическими позициями государства, техническим и гуманитарным потенциалом России, демократическими институтами или системой социального обеспечения, сколько победой во Второй мировой войне и экспонатами Третьяковской галереи, т. е. достижениями далекого прошлого, выказывая тем самым «осознание потери, томление по утраченному» [2, с. 163].

Еще одно немаловажное следствие проводимой политики состоит в том, что россияне отчуждены от своей памяти и истории, не воспринимают культурное наследие как контекст своего существования в пространстве истории, не ощущают себя внутри него. Как пишет Б. Дубин, «средний житель России по его собственным ощущениям не хозяин своего времени, поэтому он его плохо помнит, слабо предвидит, почти не планирует, даже не старается предугадать... Он видит лишь сегодняшний, самое большее — завтрашний день, а об остальном предпочитает не задумываться либо полагается на судьбу и случай...» [2, с. 149].

Российская власть не может полностью опустошить историю, ощущая потребность в прошлом, поскольку ей необходимо быть встроенной в историческое время, эпоху, в идеале — в вечность [4, с. 61], поэтому создаются новые картины с использованием элементов подлинной истории. Культурное наследие при такой обрывочной, насильственно активизируемой, селективной и непоследовательной эксплуатации не образует

пространства, в котором у россиян возникло бы стойкое ощущение преемственности поколений и уважения к традиции и памяти предков. Искусственно и форсированно воспроизведенные образы прошлого, сконцентрированные в срочо «отреставрированных» памятниках культуры, сегодня оказываются собранными в одном месте обрывочными, порой взаимоисключающими элементами, никак не синтезируемыми в единую картину прошлого. В итоге эклектичная, поверхностная и избирательная картина псевдостарины оказывается иллюстрацией равнодушия российской власти и российского народа к подлинной, существовавшей в реальности и принадлежащей нашим предкам истории. Она ярко свидетельствует о приверженности стратегии *уничтожения — воспроизводства* истории при стойком безразличии к подлинному прошлому.

Яркий пример «новой картины» прошлого являет собой Троице-Сергиева Лавра, которую путеводитель называет «символом возрождения для миллионов людей, стремящихся вернуться к своим истокам» [5, с. 6]. В 1920—1930-е гг. после национализации Лавры скиты и пустыни были закрыты, монахи разогнаны, многие репрессированы. Монастырское и церковное имущество «нехудожественного значения» было передано в Гохран и распродано через Госторг РСФСР. Однако сегодня путеводитель и экскурсоводы уделяют всего несколько беглых строк трагическим десятилетиям истории Лавры, за которые она была практически полностью уничтожена и как духовный центр, и как историко-архитектурный и художественный ансамбль. В результате для современных паломников Лавра не является и не может стать подлинным свидетелем истории, прошедшим тернистый путь вместе с русским народом и материально запечатлевшим все радости и скорби, трагические ошибки и преступления. Она сияет «первоначальным обликом», поверхностные декорации которого не свидетельствуют о прошлом, а скрывают подлинную историю этого места.

Результатом проводимой политики безжалостной форсированной и избирательной эксплуатации наследия становится такое же безжалостное, индифферентное и избирательное восприятие россиянами собственного исторического прошлого. Граждане не проявляют готовность защищать свою материальную историю: они равнодушны к разрушению памятников и целых исторических ансамблей, кварталов жилых домов, признанных государством или городскими властями «ветхими», они привыкли и готовы к тому, что на месте разрушенного до основания храма может быть возведен новый — лучше, больше, красивее прежнего. Мы вынуждены констатировать: у современных россиян нет понимания того, что «новоделы» не тождественны подлинным, утраченным памятникам, что при таком — сиюминутном, потребительском — отношении к культурному наследию и нынешнее, и все будущие поколения лишаются истории в ее подлинном виде.

Обрывочная парадигма восприятия истории и культуры характерна для архаичных обществ. Россиянам свойственно восприятие исторического времени, присущее античной и средневековой культуре: из него выведены такие категории, как прошлое, последовательность, поступательность, преемственность, кумулятивность и наследование. Представляется, что здесь проявляет себя концепт, заложенный в государственной политике памяти и культурного наследия: возник эффект архаизации, формирования гражданского общества без прошлого. Прошлое смоделировано как нечто статичное, синкретичное и в неизменном виде воспроизводимое в настоящем. В этом отношении сама идея истории в российской политической культуре носит не линейный, а циклический характер. Это освобождает нынешнюю политическую элиту от необходимости обращаться к опыту или наследию минувших лет. Схематизированно-упрощенное прошлое не наследуется в виде опыта и достояния, оно воспроизводится в прежнем примитивизированном виде.

Вместе с тем вовлечение культурного наследия в конструирование историцистских схем еще в большей степени затрудняет формирование парадигмы культурного диалога, в рамках которой воспринимающий культурное наследие должен в идеале

быть активно познающим субъектом, чей внутренний мир, мировоззрение совершенствуется в ходе диалога с прошлым. Для культурного диалога необходимы вживание в прошлое и проживание истории. Однако наскоро бездушно отреставрированное культурное наследие и его прагматические интерпретации не подразумевают вхождения в его внутренний, имманентный наследию мир, фундамент содержания которого заложен предками. Культурный диалог должен проблематизировать и восприятие наследия, и саму память, заставляя субъекта болезненно ощутить разрывы и границы прошлого, услышать полифонию культурных смыслов. Такого рода диалог субъект-субъектен, поскольку и ушедший в прошлое творец, и воспринимающий культуру субъект настоящего процессуально активны в диалоге, подразумевающим мышление и формирование жизненных смыслов воспринимающего.

Историцистский подход, демонстрируемый государством в отношении наследия, свидетельствует о незаинтересованности элит в становлении граждан в истории и культуре. Он препятствует обретению культурным наследием статуса полноправного явления социального и политического сегодня, включению его ценностно-смыслового, морально-нравственного, эстетического и историко-политического потенциала в число ресурсов гражданского общества. Культурное наследие, существуя, оказывается «закрытым» для проникновения в него. Историзм защищает государство от возвращения гражданского общества к болевым точкам и трагическим ошибкам прошлого, опасаясь, что оно даст прошлому ту нравственную и гуманистическую оценку, проникновение которой в пространство современной политики может грозить расшатыванием основ легитимности власти. Элиты предпочитают сохранить монополию на постановку и решение социально-практических задач, минимизировать угрозу активизации населения.

Мы замечаем, что для части граждан современной России характерно не просто индифферентное, но часто активно жестокое, озлобленное отношение к материальным свидетельствам прошлого, памятникам культуры и истории. Обыватели, особенно горожане, предпочитают питать иллюзию, что спешно отреставрированный, а то и разрушенный и вновь выстроенный памятник или даже целый ансамбль «лучше» прежнего, что пространство памяти, состоящее из симулякров, станет «красивым и удобным местом для прогулок с семьей». Граждане не отдают себе отчета, что тем самым расширяется территория исторического вакуума, в котором детей окружает не подлинная, говорящая сама за себя история, а наскоро раскрашенные и «поновленные» декорации. Обыватели не желают видеть в памятнике живых свидетельств «настоящих исторических моментов, которые стали прошлым» [6, с. 122], особенно если они связаны с трагическими или драматическими страницами истории. Отсюда можно заключить, что политика *забвения* — *продуцирования* истории дает искомый эффект: отказа от истории.

Соответственно, у людей не только не актуализируется потребность в охране памятников старины, подавляется или не пробуждается желание войти в историю и транслировать ее потомкам, но и происходит отказ от прошлого как пространства бытия. Потребность в прошлом замещена иллюзией, что при необходимости на месте подлинного и некомфортного и поэтому уничтоженного по политическим мотивам прошлого может быть сконструирован новый образ, в большей степени актуальный и удовлетворительный для нас сегодняшних. Иными словами, он будет «лучше» прежнего. Граждане предпочитают иметь дело не с подлинной историей, а с искусственным прошлым, разобранным на мозаику раскрашенных памятников, не имеющим объективной, поступательной, естественной связи с настоящим и будущим. Общество привыкло видеть полезность и эффективность политики забвения, стратегии разрушения — конструирования, поскольку на этапе забвения можно в полной мере реализовать подсознательное стремление к избавлению от страхов, воспоминаний

об ошибках, преступлениях, угрозах, неверном нравственном выборе. Вместе с тем, не проживая прошлого в настоящем, не расплачиваясь по счетам истории за ошибки и преступления, даже национального масштаба, общество вынуждено повторять их снова и снова на каждом новом цикле истории. Именно в этом мире, по выражению М. К. Мамардашвили, всюду гуляет гений повторения, повторения зла [7].

Безразличное, не маркированное не подлежащими пересмотру нравственными оценками, общественное отношение к истории, компенсируется активной позицией общества касательно отдельных образов прошлого, готовностью снова и снова их действительно пересматривать. Россияне искренне заблуждаются в своем убеждении, что утилитарное отношение к памятникам и самой истории позволит улучшить настоящее, стоит лишь правильно и активно использовать образы. Здесь действует «сказочная» логика: создание нового, инновационного, актуального из того, чего мы не только не знаем и не понимаем, но чего в действительности никогда не было, поскольку мы сами создали тот миф, тот образ, которым пытаемся инструментально оперировать.

За манипуляцией историей, в том числе, скрывается потребность массового сознания в опрощении и схематизации морального и этического, желание препарировать все события, разделив их на «хорошие» и «плохие». Россияне предпочитают конструировать прошлое, кажущееся им «должным». В связи со схемой «должного» реставрируются объекты культурного наследия, вписывающиеся в ту картину прошлого, что рассматривается как удобная и актуальная. Если «должное прошлое» не находится, его создают. Тем самым обеспечивается «негативная стабилизация», фиксация общества в положении «привычное — должное прошлое — соответствующее ему настоящее». В правильном прошлом четко выделены периоды опасного, рискованного, преступного. Однако далеко не все периоды и события удается в полной мере вытеснить и забыть. Если стратегия вытеснения не срабатывает, такие события и периоды «маркируются» как зоны избегания, а другие — напротив, как зоны символического притяжения, коллективной мобилизации и соответственно позитивной идентификации. Поэтому и содержательная сторона культурного наследия организуется государством как недвусмысленное указание на правильность или неправильность исторического события, с которым оно связано. Еще более прямолинейны памятники-символы (мемориалы). Важно подчеркнуть, что в основе такой маркировки не нравственные императивы, а идеологические потребности, поэтому она не вечна, не исторична и меняется в зависимости от поворотов идеологических флюгеров.

«Негативно» маркированное прошлое — это, как правило, времена всеобщей беды, общенационального горя и всенародной радости по поводу преодоления испытания, победы над трудностями. «Положительно» маркированные периоды конструируемой в России истории — это, как правило, великие победы и свершения, технические достижения и открытия. Объекты культурного наследия, «отсылающие» граждан к этим событиям особенно востребованы для формирования исторической схемы и создания символического пространства апозитивной — великой — истории. Те же технологии актуализации культурного наследия использовались в культурной политике советского периода. В этом отношении закономерно, что сознание современного россиянина — в некотором смысле, советское, пределы которого «определяются набором героических событий», «точками опоры в историческом потоке» [8, с. 105]. Образы героев, великих правителей и святых создают разметку ценностного восприятия исторического прошлого. Даже советская история, «очищенная» политикой забвения от преступлений, ужасов гражданской войны, голода, коллективизации, большого террора, прошедшая сквозь идеологическое сито великодержавной картины истории, «принимается сегодня большинством как “наше славное прошлое”, общее и единое, в котором между имперской Россией и СССР как бы нет конфликта и разрыва» [2, с. 98].

Декорирование примитивной великодержавной картины прошлого иконами, храмами, монастырями, псевдохристианской мифологией и другой религиозной атрибутикой делает сами объекты культурного наследия чем-то вроде элементов массовой культуры. Наряду с другими элементами (ток-шоу, популярной музыкой, дешевыми сериалами, развлекательным кино и беллетристикой) они выполняют социально-компенсаторную функцию. Обыватель, потребляющий продукцию массовой культуры, становится более податливым, доверчивым, управляемым, покорным, поскольку он интериоризирует «тот миф, в согласии с которым он готов терпеть все, что угодно, но без которого он всегда будет чувствовать неполноту жизни и вследствие этого злиться и буянить» [8, с. 318].

С этих позиций объекты культурного наследия РПЦ являются не чем иным, как вездесущим и универсальным инструментом «стимулирования сбыта» государственной картины великодержавного прошлого и настоящего. Храмы и иконы оказываются эффективным способом продвижения «товара», одним из видов «маркетинговых коммуникаций» между производителями (концерном «Государство — Церковь») и потребителями (гражданами). В условиях, где рекламируется всё, историко-культурное пространство реальности обретает новые очертания: человек не может укрыться от всепроникающей рекламы и независимо от своих желаний и потребностей поддается ее манипулятивному эффекту.

Таким образом, в современной России культурное наследие не становится новесным явлением социального и политического настоящего, а его подлинный ценностно-смысловой, морально-нравственный, эстетический, историко-политический потенциал не пополняет собой внутренние резервы гражданского общества. Такая позиция культурного наследия «снимает», нивелирует его духовную сущность, превращая его в инструмент деформации общественного сознания.

Литература

1. *Растимешина Т. В.* Влияние политики культурного наследия на политическую культуру современного российского общества // Вестник МГОУ. 2012. № 5. С. 128—135.
2. *Дубин Б. В.* Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М.: Новое издательство, 2014. 343 с.
3. *Гудков Л. Д.* Негативная идентичность. М.: Новое лит. обозрение: ВЦИОМ-А, 2004. 816 с.
4. *Растимешина Т. В.* Культурное наследие в российской политике государственной памяти // Власть. 2012. № 10. С. 60—65.
5. Иллюстрированный путеводитель по Троице-Сергиевой Лавре / Науч. ред. архимандрит Мефодий; текст Л. Воронцова, Л. Щитова. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Сергиево-Посадский государственный музей-заповедник, 2010. 389 с.
6. *Бобров Ю. Г.* Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. М.: Эдсмит, 2004. 303 с.
7. *Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб.: РХГИ, 1997. 571 с.
8. *Левада Ю. А.* Элита и «массы» в процессах трансформации // Кто и куда стремится вести Россию?: Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001. С. 102—107.
9. *Пелипенко А. А.* Динамика эстетической компоненты в поколениях рубежа XX — XXI вв. // Поколение в социокультурном контексте XX века / [Отв. ред. Н. А. Хренов]. М.: Наука, 2005. С. 300—319.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор, начальник Управления профориентационной работы и довузовской подготовки МИЭТа.
E-mail: v1-bit@yandex.ru